

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

КРЕМЛЕВСКИЙ

ТУЗ

Полковник Гуров

Николай Леонов
Кремлевский туз

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Кремлевский туз / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

<p/>

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

Кремлевский туз

– Итак, полагаю, теперь мы все обговорили... – морща лоб и озабоченно вглядываясь в лицо собеседника, произнес лысый. – Все детали... По крайней мере, мне кажется, все ясно... Или, может быть, у вас еще остались вопросы?

Несмотря на поздний час, стояла невыносимая духота, пронизанная едва уловимым дымным запахом, который проникал в комнату с улиц. Даже плотно запечатанные окна не помогали. Лысый без конца отирал мокрый блестящий череп носовым платком, и эта манипуляция уже начинала раздражать Германа.

Однако многолетняя привычка скрывать любые чувства не изменила ему и на этот раз. Герман терпеливо выслушал тревожную скороговорку лысого и сказал без всяких эмоций:

– Все совершенно ясно. Осталось воплотить ваш план в реальность. Сюрпризы в такого рода делах не редкость, но пока я не вижу, что могло бы нам помешать. По крайней мере, на данный момент. Разве что ваш человек...

– Наш человек не подведет! – сердито вскинулся лысый. – Это никак не в его интересах! Да и не столь сложна его миссия, верно? Указать вам объект.

– У некоторых, поверьте, и на меньшее не хватает духу, – Герман растянул губы в презрительной усмешке. – Например, вы могли бы уже сейчас указать мне объект, но вы предпочитаете переложить это на чужие плечи.

– В этом нет никакого смысла! – горячась, воскликнул лысый. – Объект вам укажут на месте. Это исключит возможную ошибку. И вообще...

– Собственно, это ваше дело, – равнодушно заметил Герман. – Я просто хотел напомнить, что чем больше звеньев, тем слабее цепь. За себя я отвечаю, а остальное – ваша забота.

– С нашей стороны тоже не будет никаких неожиданностей, – успокаиваясь, сказал лысый. – Причин волноваться никаких... Итак, давайте расходиться? Не нужно, чтобы нас видели вместе. Вы пойдете первым.

– Я сумею поймать сейчас такси? – слегка поморщившись, спросил Герман.

– Такси? – удивленно повторил лысый, будто впервые слыша это слово. – Н-не знаю... Но, кажется, где-то рядом станция метро. Оно еще не закрылось. А вы приехали сюда в такси?

– Да, но я сошел за два квартала, не волнуйтесь.

– Нет, я не об этом, – сказал лысый. – Просто к слову пришлось. И как вам Москва?

– Тоже к слову? – недовольно буркнул Герман. – Если мне удастся сейчас благополучно уехать, я буду в восторге от вашей столицы. Кстати, могли бы назначить встречу в каком-нибудь месте попримечнее.

– Руководство решило, что это будет самый безопасный вариант, – значительно произнес лысый. – Мы должны были исключить малейшую возможность прокола. Кажется, это нам удалось.

– Да, вас можно поздравить, – сказал Герман и посмотрел на часы. – А мне нужно торопиться. Ваше метро закрывается, по-моему, в час ночи.

– Возможно, вам еще удастся поймать такси, – обнадежил его лысый, но тут же добавил: – Только не ловите его прямо у дома – это опасно!

– Не беспокойтесь, – ответил Герман, направляясь к двери. – Я сам не любитель рисковать.

Дверь захлопнулась с мягким щелчком. Герман постоял немного на лестничной площадке, вслушиваясь в тишину ночи. Несколькими этажами выше тускло светила единствен-

ная в подъезде лампочка. Все вокруг было погружено в таинственный полумрак. То ли здесь всегда так было, то ли кто-то специально поработал перед встречей – Герман не смог догадаться. Здесь все возможно.

Москва Герману совсем не нравилась. Ему приходилось бывать здесь и прежде – еще при старом режиме, – и следовало признать, что с тех пор в этом городе многое изменилось. Он стал ярче и цивилизованнее, приобрел почти европейский лоск. Но сущность его оставалась прежней – в нем было неудобно жить. Здесь очень специфическая, требующая неусыпной осторожности среда обитания. Даже воздух был насыщен агрессией. С подобным Герману не приходилось сталкиваться ни в одной европейской столице. И в Нью-Йорке было иначе. И даже в Пекине. Пожалуй, это постоянное чувство опасности больше всего напоминало Герману Африку. Сходство это усиливалось еще и оттого, что Москва встретила его необычайной жарой. Где-то за Кольцевой дорогой горели торфяники, по вечерам небо над столицей приобретало мутно-багровый оттенок и становилось трудно дышать. Нет, Герману совсем не нравилась Москва. Жить здесь он не стал бы ни за какие коврижки. При его работе требуется покой.

Вообще-то Герман привык к страху. Опять же при его работе страх становится чем-то вроде профессиональной вредности. Совсем избавиться от него невозможно, но, если сохранять ясную голову и соблюдать профилактику, вреда от него не будет. Страх даже помогает, не дает совершать ошибок. Сверхъестественное чутье Германа – это оборотная сторона страха.

Благодаря чутью он и в этот раз сумел обмануть ищеек из Интерпола. Они потеряли его во Франции. В Чехии, он уверен, их уже не оказалось. То есть были, конечно, но никому из них не было дела до Германа. След его потерял. А в Москве его и подавно никто не знал. С теми документами, которыми его снабдила Организация, здесь можно ни о чем не беспокоиться. В России, конечно, непросто, но полиция здесь бывает весьма снисходительной, и любые проблемы удастся уладить, если у тебя водятся доллары.

У Германа доллары водились. И за новую работу он должен был получить от Организации неплохие комиссионные. Это тем более приятно, что задание не казалось Герману ни сложнее, ни опаснее любого другого – по крайней мере пока.

Лысый, кажется, считает иначе. Все эти строгие напутствия, нервные взгляды, выбор грязной окраины в качестве места встречи... Но лысому и прочим можно сделать скидку – сдавать своих всегда страшно. Страшно и противно, хотя нет в мире ничего более обыденного, чем предательство, – исходя из своего опыта, Герман мог судить об этом с полной категоричностью.

Он начал спускаться по лестнице. Рука по привычке потянулась к перилам – но здесь перила были сорваны напрочь, и Герман, коснувшись пальцами шершавого металла, тут же их отдернул. Настоящее гетто! Исцарапанные стены, наспех выкрашенные косяки, заплесанные полы... И кой черт дернул лысого притащиться сюда?

Скорее всего, расчет был единственный и, надо сказать, не лишенный остроумия – кто бы поверил, что такие высокие шишки могут почтить вниманием такие трущобы? Да никто! Лысый и костюмчик натянул соответственный, попроще – Диором там, конечно, и не пахло, – зато на этих закоулках такой костюм не бросался в глаза. И приехал сюда лысый наверняка не в «Мерседесе», а на каком-нибудь зачуханном «москвичонке». Конечно, этот тип не самая важная персона, но и кого попало в такое дело посвящать не станут, это аксиома. Назвался-то он, как и полагается, Иваном Ивановичем, но Герману на это было наплевать – пусть хоть Папой Римским назовется – главное, чтобы билеты и документы, которыми он снабдил Германа, были абсолютно чистыми. А это, похоже, так и есть.

Герман толкнул скрипучую дверь подъезда, вышел на крыльцо. Сквозь черную листву высаженных перед фасадом лип пробивался косой луч ночного фонаря. Герман поднес к глазам часы. Ему следовало поторопиться – метро через двадцать пять минут закрывалось, а в существование такси на этих окраинах Герману не очень-то верилось.

Оглянувшись по сторонам, он спустился по ступенькам и быстро зашагал по узкой полоске асфальта, ведущей к проходу между домами. Большинство окон вокруг были темны, в воздухе висел горьковатый торфяной запах. Откуда-то издалека доносился то ли смех, то ли чьи-то истерические выкрики.

Герман вышел в переулочек и опять оглянулся. На его взгляд, здесь было чересчур мрачно. Пятко лишних фонарей и патрульная машина совсем бы не помешали. Истерические крики, которые слышал Герман, сейчас стихли, но веселее от этого не стало. Атмосфера этой улицы была наполнена тревогой – Герман такие вещи шкурой чувствовал.

Лысый преувеличивал, когда говорил о станции подземки за углом. Чтобы добраться до метро, нужно было пройти три квартала – Герман это точно помнил. Прежде чем приехать сюда, он внимательно изучил карту и запомнил все ходы и выходы.

Теперь он намеревался дойти до угла и воспользоваться проходным двором, чтобы выиграть время. При других обстоятельствах этого бы делать не следовало, но Герман опасался, что, опоздав на метро, он обречет себя на более продолжительные скитания по малознакомым темным окраинам.

Стук каблучков отчетливо раздавался в тишине ночного переулочка. Но это был не единственный звук, который достигал слуха Германа. Его чуткое ухо улавливало и какой-то неясный тревожный шум поблизости – то ли шаги, то ли шелест деревьев. Но кроны деревьев, росших вдоль тротуаров, были неподвижны – тяжелые листья казались вылепленными из пластилина.

Герман дошагал до угла, пересек улицу и вошел под арку шестиэтажного дома. Во дворе было темно – хоть глаз коли, и лишь далеко впереди был виден светящийся прямоугольник – выход на соседнюю улицу. И еще Герман увидел метрах в десяти от себя тлеющие огоньки сигарет. А потом раздался резкий свист, и все вокруг пришло в движение.

Топот многих кожаных подошв и вкрадчивый шорох кроссовок возникли одновременно и со всех сторон. Смутные тени угрожающе двинулись на Германа. Он понял, что влип.

Герман остановился и мысленно выругал себя. Он с самого начала не доверял этому городу, ждал от него подвоха и все-таки влип. Наверняка это была всего лишь шпана – одуревшие от скуки и алкоголя кретины с окраины, но вся проблема заключалась в том, сколько их здесь и как далеко они готовы зайти. Оружия у Германа не было.

Начали они совершенно банально. В России это обычная увертюра к насилию.

– Мужик, дай закурить! – сказал кто-то из них, невидимый во тьме. Голос был хриплый, точно его обладатель только что вылез из погребка.

Одновременно какая-то нетерпеливая алчная рука скользнула по рукаву Германа и устремилась дальше, пытаясь нащупать боковой карман его пиджака. Герман не стал терять время на разговоры и, поймав блудливую руку, молча и беспощадно вывернул ее до леденящего душу хруста.

Звериный вопль нестерпимой боли взлетел над двором. Обессилевшее тело рухнуло где-то рядом на асфальт, а все остальные, точно по сигналу трубы, разом бросились на Германа.

Он действовал предельно собранно и жестоко, стараясь не давать противникам ни одного лишнего шанса. Ударом локтя сломал горло какому-то щенку, бросившемуся Герману на спину, бросил через себя еще одного, впечатав в асфальт, точно сырое яйцо, и, почувствовав, что слева образовалась пустота, стремительно нырнул в нее, намереваясь немедленно смыться. Нырнул и тут же напоролся на нож.

Ударили наугад, но рана была хуже не придумаешь – в нижнюю часть живота, почти в пах. Стоячая Герман не почувствовал боли, но зато к горлу подкатила нестерпимая тошнота, и он,

на секунду потеряв координацию, шатнулся в сторону. Кто-то из нападающих тотчас бросился ему в ноги и сбил на асфальт.

Потом они навалились на него все разом, мешая друг другу. Особо ретивому Герман успел надавить пальцами на глаза и спихнул его с себя, трясущегося и вопящего от боли. Ребром ладони рубанул по шее еще одного и почти уже поднялся с колен, как вдруг кто-то сзади несколько раз усердно и быстро вонзил нож Герману в спину.

В окружающих домах половина окон уже горела. За стеклами темнели напряженные силуэты жильцов. На соседней улице завывала, приближаясь, сирена.

– Атас! – завопил в темноте отчаянный срывающийся голос, и весь двор наполнился шарканьем подошв и сдавленными криками. Несколько человек бросились врассыпную от неподвижно лежащего посреди двора тела. Два ослепительных луча от фар ворвавшегося через арку автомобиля мазнули по стенам. С треском распахнулись дверцы.

– Стоять! – крикнул милицейский лейтенант и, подняв над головой пистолет, выпалил в мутное ночное небо.

– Мои глаза, мои глаза!.. – какая-то бесформенная фигура с надрывными стонами ползала в пыли у самых его ног.

Дальнюю арку перекрыла вторая патрульная машина. Оттуда доносился шум драки, хриплый мат и крики: «Больно, пусти, сука!»

Герман ничего этого уже не слышал. Он был давно и безнадежно мертв.

Глава 1

В том, что начальник главка вызывал Гурова к себе с утра пораньше, ничего необычного не было. И в том, что вызывает он его одного, а не на пару с верным другом и соратником полковником Крячко, тоже не было ничего удивительного. Шутки полковника не всякий мог вынести и в более приемлемую погоду – вполне возможно, старик просто решил сегодня не испытывать лишний раз нервы. Вообще, честно говоря, Гуров и не предполагал, что в этот задымленный, душный, похожий на любой другой день речь может пойти о чем-то, выходящем за рамки служебной рутины. Да и на эти темы сегодня полагалось разговаривать лениво, неспешно, распустив на шее галстук и включив вентилятор помощнее.

Однако, попав в кабинет к генералу, Гуров по одному выражению его лица понял, что жестоко ошибся и разговор предстоит далеко не банальный.

Впрочем, генерал Орлов, кажется, не собирался торопить события. Предложив Гурову садиться, он первым делом кивнул на запотевшую бутылку минеральной воды, стоявшую на мельхиоровом подносе.

– Будешь? – спросил он. – Жара-то, не приведи господи... И когда же это наконец дождь-то пойдет?

На столе перед генералом вовсю крутился вентилятор, тормоза седые пряди на его голове.

– Не знаю, что с кондиционером! – пожаловался он Гурову. – Вроде работает, идол, а прохлады, понимаешь, не дает! Мастера велел вызвать – это же уму непостижимо, какая духота... – И добавил с непонятной завистью: – Вот, скажем, где-нибудь на море сейчас красота! Сидишь себе на палубе – пиво, ветерок, чайки порхают... Ты в кризисе когда-нибудь бывал?

Гуров насторожился. Он не понимал, куда клонит Орлов.

– Не приходилось пока, – усмехнулся он. – Как говорит сатирик – все время на работе... Больше через «Клуб кинопутешествий» постигаю.

– А вот это ты врешь, – грустно заметил Орлов. – «Клуба» этого давно уже и в помине нет!

– Ну, другое что-то есть, – ответил Гуров. – Сейчас точно не вспомню. Но ведь ты меня, Петр, наверное, не для того пригласил, чтобы о кризисах порассуждать?

Генерал загадочно посмотрел на него.

– Почему бы и не порассуждать? – проворчал он. – У нас ведь теперь запретных тем вроде не осталось? Обо всем язык чесать можно. Вот и мы с тобой давай на такую интересную тему поговорим – может, договоримся до чего-нибудь.

Гуров покачал головой и неодобрительно заметил:

– А все-таки не понимаю я тебя, Петр! Может, не стоит вокруг да около? Выкладывай, что там у тебя на уме! Ведь не на море же ты меня собираешься отправить?

– Кто знает, кто знает? – насупился Орлов. – Может, и на море. Все от тебя, милый друг, зависит.

– От меня? В каком смысле?

– А вот ты послушай меня внимательно! – сказал Орлов. – Тут такое дело, что иначе, без вокруг да около, никак не получается. Тут надо издалека в курс дела вводить...

– Ну так вводи, – развел руками Гуров. – Я уже созрел, кажется.

Генерал не стал торопиться. Налил себе полный стакан минералки, не спеша выпил и хитро посмотрел на Гурова.

– Зря отказываешься! – сказал он. – Это настоящий боржом – не та халтура, что сейчас во всех магазинах продается... А насчет дела слушай. Тебе, конечно, известно, чем занимается такая организация, как Интерпол? И тебе, конечно, известно, что у нас в органах есть ребята, которые являются внештатными сотрудниками этой организации? Так вот, их руководитель

вчера со мной встречался – по распоряжению министра, между прочим! – Генерал поднял вверх палец.

– Министр – это впечатляет, – равнодушно откликнулся Гуров. – А суть-то в чем?

– Нет, ты от министра так не отмахивайся! – сердито сказал Орлов. – Он потому дал распоряжение, что надеется на нашу помощь. От этого, если хочешь, наши международные отношения зависят!

– Да я разве против? – удивился Гуров. – Пусть их! Я за дружбу между народами. Только что от меня зависит? Или ты меня в Интерпол перевести собрался?

– Ни за какие коврижки! – решительно возразил Орлов. – А вот помочь мы должны, я считаю. Или у тебя есть особое мнение?

– Да какое может быть мнение, когда я не понимаю, о чем речь идет! – возмущенно сказал Гуров. – Ты такие туры развел!

– Да как же ты чего поймешь, – в свою очередь рассердился генерал, – если ты мне и слова не даешь сказать? Ты слушай внимательно и не перебивай! Взяли моду – начальство перебивать!

Гуров уже долго работал под руководством Орлова – именно он когда-то перетащил Гурова из уголовного розыска к себе в главк, – так что их отношения давно переросли служебные рамки и сделались скорее дружескими. Легкая словесная пикировка стала обычной манерой их языка, до конца понятного только им. Поэтому Гурову было сейчас совершенно ясно – Орлов сердится не всерьез и больше на самого себя – видимо, ему самому не все было до конца понятно с тем делом, за которое ратовал министр.

– Значит, вникай! – продолжил Орлов, строго глядя на Гурова в упор. – Уже лет пять как Интерпол занимается некоей преступной организацией, штаб-квартира которой, по некоторым данным, базируется в Париже. Организация тщательно законспирирована, главари практически недоступны для правосудия – официально они вроде бы торгуют мебелью или черт его знает чем, а все преступные операции осуществляются через третьи-четвертые руки. Исполнителям платят, по слухам, бешеные деньги, но в случае провала уничтожают беспощадно и незамедлительно. Вот такие «их нравы», понимаешь...

– А чем хоть занимаются-то, известно? – с улыбкой спросил Гуров.

– Заказные убийства, – коротко сказал Орлов. – Причем самого высшего класса, если можно так выразиться. Неверными супругами или опостылевшими соседями не занимаются категорически. Крупные политики, финансисты, главы корпораций... Действуют по всему миру, никаких сословных и национальных предрассудков. Хочешь, можешь арабского шейха заказать, а хочешь – Билла Гейтса какого-нибудь. Главное, чтобы денег хватило – за услуги они берут суммы астрономические.

– Я, пожалуй, повременю, – с насмешливой искрой в глазах сказал Гуров. – Пусть Гейтс пока поживет.

– Я так и предполагал, – отозвался Орлов. – Но, в сущности, нам предлагается совершить нечто совершенно противоположное – то есть сорвать планы очередного покушения. Улавливаешь?

– Пока не очень, – признался Гуров. – Только откуда стало известно о каком-то покушении, если они такие законспирированные?

– А вот тут-то начинается самое интересное, – с энтузиазмом сказал Орлов. – Дело в том, что на заметку Интерполу попал один человек. Как они предполагают, он является членом этой тайной организации, профессиональным киллером высокого класса. Подробностей я не выяснял, скажу только, что по происхождению он русский – родители его еще из той, первой волны эмиграции. Так что он только потомок и всю жизнь прожил там, но, говорят, русским владеет в совершенстве. Герман Кузмин, если память меня не подводит... Потом тебе расскажут точнее, а пока для нас важно другое. Интерпол довольно долго держал этого Германа под

наблюдением. В принципе, был даже момент, когда у них была возможность арестовать его за незаконное хранение оружия, но они предпочли оставить все как есть, чтобы выяснить его дальнейшие планы.

– Ну и как, выяснили?

– Не совсем, – покачал головой генерал. – То есть у них были серьезные подозрения, что Герман готовит некий акт, но в самый решающий момент ему удалось уйти. Его след был потерян.

– Поскольку этот парень знает русский, а я сижу здесь у тебя, – неторопливо заметил Гуров, – значит, след все-таки нашелся и привел сюда, в Россию... Я не ошибся?

– Не ошибся, – подтвердил Орлов и, замявшись, добавил: – Привести-то он привел, да толку из этого вышло мало... Дело в том, что два дня назад этого парня прикончили в районе «Бабушкинской».

– Вот как? – удивился Гуров. – Что его туда занесло? И кто прикончил?

– Ты будешь смеяться, – сказал Орлов. – Местная шпана. Встретили ночью в темном переулке. Всю эту шайку уже взяли, но они, разумеется, даже представления не имеют, кого убили. Они даже не успели обчистить его карманы.

– Не ходите, дети, в Африку гулять... – задумчиво прокомментировал Гуров. – И все-таки каким ветром занесло этого простофилю на «Бабушкинскую», да еще ночью?

– Скорее всего, в этом районе у него была назначена встреча, – сказал Орлов. – С каким-то посредником. Подальше от любопытных глаз, как говорится. Видимо, просто участники этой встречи давно не прогуливались по ночным переулкам столицы и не рассчитывали на такое «гостеприимство».

– Теперь тот, кто остался в живых, кусает локти, – заметил Гуров.

– Есть надежда, что пока не кусает, – серьезно сказал Орлов. – Дело в том, что Интерпол все-таки сделал своевременный запрос в Москву, и, в общем-то; данный инцидент удалось вовремя оценить и замять.

– В каком смысле? – не понял Гуров.

– Об убийстве практически никто не знает, – объяснил генерал. – О том, кто убил, – тем более. Только доверенные люди. Есть веский повод считать, что Герман прибыл в Москву не для того, чтобы полюбоваться на храм Василия Блаженного, а чтобы заняться своим прямым делом. Несомненно, он должен был убрать кого-то. Какую-то важную шишку. Наша задача – выяснить, кого именно.

– Вот так попали, на ровном месте да мордой об асфальт! – озадаченно произнес Гуров. – Как же мы это узнаем, если Герман мертв? Или он оставил посмертную записку?

– Записки он, конечно, не оставил, – назидательно проговорил Орлов. – Но кое-что при нем обнаружилось. Документы, во-первых. Между прочим, на подлинных бланках! А во-вторых, билет на лайнер – круиз по Средиземноморью, улавливаешь, в чем суть?

– Теперь улавливаю, – пробормотал Гуров. – Господину Кузмину не хватало Средиземноморья во Франции, и он устремился сюда. Логично, ничего не скажешь!

– Совсем нелогично, – кивнул Орлов. – И есть мнение, что в круиз он собирался не просто так. Он получил заказ и должен был его выполнить во время путешествия на лайнере.

– Я же говорю, логично! – заметил Гуров. – Из какого порта выходит белый теплоход?

– Новороссийск, – сказал Орлов. – Затем Стамбул, Афины, Неаполь... Заманчиво звучит, правда?

– Уже выяснили, кем приобретались билеты? – вместо ответа спросил Гуров.

– Кажется, пока нет, – ответил Орлов. – Круиз обеспечивает солидная фирма «Панорама-Тур». Но сведения приходится добывать с огромными предосторожностями. Кто знает: возможно, в самой фирме есть человек, связанный с гипотетическими заказчиками убийства. Тогда наши намерения сохранить в тайне никак не удастся. Но думаю, что уже сегодня в этом

вопросе должна наступить определенная ясность. Мы действуем не только в этом направлении. Сейчас проводится работа, чтобы выяснить, откуда взялись подлинные бланки российских паспортов, которыми снабдили Германа. Скорее всего, и билеты, и документы наш гость получил уже в Москве.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовался Гуров.

– Не уверенность – всего лишь предположение. Но установлено, что в Москву он прилетел под другим именем. Пока так и не удалось найти гостиницу, в которой остановился Герман, – объяснил Орлов. – Может быть, он нигде и не останавливался, сбавил куда-то багаж, а в район «Бабушкинской» отправился налегке. Кстати, наши люди сейчас пытаются осторожно разузнать, где именно могла состояться встреча Германа и неизвестного заказчика. Но, сам понимаешь, шансы почти нулевые. Строго говоря, у нас есть только один реальный путь выяснить, что затевал здесь этот господин...

– И что это за путь? – с интересом спросил Гуров.

Генерал хитро посмотрел на него и неожиданно сказал:

– Отправиться в круиз вместо него!

– Неплохо! – кивнул Гуров. – Особенно для того, кто получит счастливый билет. Но что это дает нам, да и Интерполу, наконец? Ведь те, кому известна жертва, ничего не скажут. Один замолчал навеки, а другие...

– Вот как раз другие и есть наша последняя надежда! – объявил Орлов. – По-видимому, заказчики решили подстраховаться. Скорее всего, Герман должен был узнать имя своей жертвы уже на борту теплохода.

– Почему ты так думаешь?

– Среди бумаг, которые нашли на трупе Германа, была одна очень любопытная вещь, – сказал Орлов. – Половинка однодолларовой банкноты. Она лежала вместе с билетом и новым паспортом – отдельно от денег, которые были у него в бумажнике. Теперь понимаешь?

– Считаешь, что это своеобразный пароль?

– Наверняка! Уверен, что на теплоходе будет присутствовать владелец второй половины. Вот он-то и должен будет сообщить Герману имя жертвы, подтвердив свои полномочия предъявлением рваного доллара.

– Почему все-таки там? – спросил Гуров.

– Потому что дело очень серьезное, и люди, которые на него решились, не хотят рисковать, – сказал Орлов. – Ну ты сам посуди: вдруг Германа взяли бы в оборот не уголовники из подворотни, а старые знакомые из Интерпола или, еще лучше, ФСБ? Кто мог гарантировать, что он не заговорит?

– Может быть, ты и прав, – согласился Гуров. – Так кто же должен примерить на себя шкуру этого Германа? Надеюсь, не я?

– Вот и зря надеешься! – буркнул Орлов. – Как раз о тебе речь. А что ты имеешь против?

– Да я много чего имею против, – сказал Гуров немного растерянно.

На самом деле никаких внятных возражений выдвинуть он сейчас не мог. Просто ситуация была настолько необычной, что вызывала в нем невольный протест. Хотелось, чтобы этим занялся кто-то другой, предоставив Гурову возможность двигаться в своей привычной колее.

– Ну-ну! – подбодрил его Орлов. – Я слушаю. Что там у тебя? Может, жена не пускает? Или эти средиземноморские круизы надоели тебе хуже горькой редьки?

– При чем тут жена? – пробормотал Гуров. – Мария сейчас на гастролях в Санкт-Петербурге. Вернется через месяц. Да и морем мы не избалованы. Но, знаешь, если можно, я все-таки отказался бы... Ну куда мне, к черту, в круизы пускаться?! И возраст не тот, и привычки. Туда ведь кто ездит – нувориши всякие, пацаны пальцы веером, певцы напомаженные, олигархи... Я там как белая ворона буду!

– Ну ты не прибедняйся! – прищурился Орлов. – Ты у нас в главке первый европеец! Виски седые, костюм всегда с иголки, спина прямая, в лице солидность... Да на тебя глядя, все секретарши обмирают! Это не то что твой Крячко, который на прием к министру в рваной ковбойке ходит!

– Ну, это уж ты зря! – с укором сказал Гуров. – В рваной Крячко никогда не ходил!

– А ты думаешь, в целой намного лучше? – генерал махнул рукой. – Но речь не о том. Если кому и ехать, так только тебе, Лева! Тут ведь суть в том, что этот Герман... он, понимаешь... чем-то на тебя похож...

– Я так плохо выгляжу? – спросил Гуров.

– Да я не в том смысле, – с досадой сказал генерал. – Выглядишь ты отлично. Бледноват вот малость. Но ничего, на море подзагоришь!.. А насчет сходства я серьезно. Как выяснилось, лучше кандидатуры не найти – просто один к одному... Ну, конечно, портретного сходства никто и не ожидал, да ведь, я думаю, этого Германа в лицо здесь мало кто знает. А так и рост у вас один и тот же, и комплекция, и возраст. Виски опять же седые, спина прямая... И одеваться тот тоже умел. Короче, нечего тут обсуждать. Осталось получить твое согласие, но это, собственно, тоже формальность, потому что министру я уже доложил, что ты согласен. Так что ты меня не подводи, пожалуйста.

Гуров некоторое время молчал, отсутствующим взглядом созерцая синее небо за окном.

– Как говорится, без меня меня женили, – заявил он наконец и усмехнулся: – В общем, что-то подобное я и предчувствовал. Просто не думал, что это будет выглядеть столь экзотически. Ну, хорошо, а поддержка у меня будет?

– Ага, будет поддержка! Обязательно! – заторопился явно обрадованный Орлов. – Ребята из Интерпола тебя страховать будут. Сейчас как раз ведется работа по их внедрению на судно. Не так все просто – главное, чтобы все естественно выглядело. Не дай бог вызвать хоть малейшее подозрение у заказчиков. Сорвется сейчас, потом ничего не исправишь. Они в тень уйдут, а это практически враг за спиной, правильно?

– Я вообще-то не про эту поддержку, – сказал Гуров. – Может, Крячко мне в подмогу подбросите?

Генерал замахал руками.

– Придумал! – с деланным ужасом воскликнул он. – Да нам только твое путешествие в копеечку влетит! Надо же, чтобы ты в образе был. На широкую ногу жить будешь, по-джентльменски, цени! Только на вас двоих у главка бюджета не хватит. Да и ни к чему это, я считаю. Нечего Стасу там делать. Не его уровня это дело.

– А ты откуда знаешь, какого оно уровня? – насмешливо спросил Гуров. – Ничего же, в сущности, не известно. То ли киллер этот Герман, то ли просто Герман как таковой... То ли заказали ему кого, то ли он просто турист-экстремал.

– Вот все сам и выяснишь! – отрезал Орлов. – Иди пока, подготовь мне примерный план своих возможных действий на корабле, а завтра мы с тобой встретимся с одним человеком – он все нужные коррективы внесет. Время есть, хотя и не слишком много – до отплытия еще пять дней.

Глава 2

Майор Ковальчук, который вносил на следующий день нужные коррективы, оказался на редкость дотошным и конкретным человеком. Он был худ, гибок как хлыст, подвижен и обладал строгим преподавательским голосом. Из-за гладко зачесанных назад волос его бледный лоб казался необычайно высоким, а узко посаженные глаза горели фанатическим блеском. Работа сыщика несомненно была его призванием.

Он начал с того, что представил Орлову и Гурову своего спутника – сотрудника парижского отделения Интерпола по имени Жерар Массена, молчаливого молодого человека с пухлыми розовыми губами и буйной каштановой шевелюрой. К удивлению Гурова, Массена довольно неплохо изъяснялся по-русски.

Правда, много говорить ему не пришлось, потому что тут пальму первенства сразу захватил майор Ковальчук. Гуров удивился еще больше, когда майор вдруг достал из принесенного с собой кейса диапроектор, быстро наладил его и опробовал, используя в качестве экрана большой плоский телевизор, стоящий в углу генеральского кабинета. Техника работала безупречно.

– С вашего разрешения я хочу продемонстрировать некоторые материалы, так сказать, визуально, – жестяным голосом объявил Ковальчук. – Лучше, как говорится, один раз увидеть... Лично я сторонник наглядного метода. Слово изреченное есть ложь, как известно. Зато уж что написано пером, как говорится...

Он буквально был напичкан банальностями и, кажется, доверял им беспрекословно, как истине, проверенной веками.

– Тут я кое-что приготовил, – доверительно сообщил далее майор. – Прошу извинения за технику исполнения – не художник. Но, по-моему, суть ухватить вполне можно.

Материалы оказались далеко не так безнадежны, как можно было ожидать, к тому же объем работы, проделанной старательным майором, не мог вызвать ничего, кроме уважения. Видимо, за одну ночь он успел вычертить аккуратные таблицы, переснять их на пленку и вдобавок изготовить слайды – и все это только ради того, чтобы ввести Гурова в курс дела.

– Итак, начнем с самого начала, – сказал Ковальчук, когда на плоском экране телевизора возникла первая таблица. – Герман Кузмин, член некоей Организации, основное занятие которой – выполнение заказов на убийство. Вот этот прямоугольник означает у меня Организацию, эти стрелочки указывают на ее связи – как внешние, так и внутренние – между собственными кадрами. Сплошные стрелки – это то, что нам известно более-менее достоверно, пунктир – то, что нами скорее предполагается. К сожалению, известно так мало, что пунктир, как видите, преобладает... Но наши товарищи из Интерпола сумели довольно неплохо изучить непосредственно господина Кузмина. А именно эта часть нас, естественно, интересует особенно. К несчастью, господин Кузмин уже покойник и не сможет внести соответствующие коррективы в мою информацию.

– Вы полагаете, у него могло появиться такое желание? – серьезно спросил Гуров.

Ковальчук с сомнением посмотрел на него, точно не был уверен в праве Гурова задавать вопросы.

– Как вы говорите? – рассеянно спросил он. – Ах да... Я понял ваш вопрос. Наверное, такого желания у господина Кузмина не возникло бы. Но заговорить рано или поздно ему бы пришлось, вы понимаете... Я имел в виду, что теперь мы однозначно не имеем этой альтернативы.

– Да уж, – вздохнул Орлов и махнул Ковальчуку рукой. – Продолжайте, майор!

Тот опять обернулся к своей технике и сказал:

– Конкретно о Кузмине у меня заготовлена отдельная информация... – Он пощелкал кнопками, и на экране высветилась новая таблица. – Родители его покинули Россию еще во времена Гражданской войны. Известно о них мало. Практически ничего. Герман родился уже в эмиграции, предположительно – в Бельгии. На этот счет имеются противоречивые данные. Затем семья осела во Франции, в Бретонской провинции. Школа в маленьком городке, работа на ферме, затем армия. После смерти родителей Кузмин записывается в Иностраннный легион. Еще десять лет военной службы – как мы сейчас бы сказали, в «горячих точках»... А вот потом следы Кузмина практически теряются, и лишь пять лет назад он случайно попадает в поле зрения Интерпола в связи с покушением на лидера оппозиции в одной из африканских стран. Кстати, покушение было успешным... Но причастность Кузмина к этому делу доказать не удалось. Как, впрочем, и все последующие акции – убийство аргентинского посла, ликвидация одного из главарей наркокартеля в Колумбии... Здесь у меня отмечены все моменты, в которых предположительно участвовал Кузмин, но останавливаться на них я не стану, поскольку прямых доказательств не существует. Задержать с поличным этого человека никогда не удалось. Но его держали уже довольно плотно, – доверительно добавил Ковальчук, оглядываясь на своего французского коллегу. – Если бы не эта неприятность, вероятность успешного завершения дела была бы несомненна...

– Простите, – перебил его Гуров. – Что-то я не понимаю. О каком успешном завершении дела может идти речь, когда Интерпол даже не в курсе, какое задание имел Кузмин? По-моему, они просто ходили по его следам, надеясь в основном на случай. А если Кузмин это знал и попросту водил их за нос?

– Маловероятно, – важно сказал Ковальчук. – И последние данные об этом недвусмысленно свидетельствуют. Кузмин получил в Москве какой-то заказ, и теперь наша задача – выяснить суть этого заказа.

– Но ведь Кузмина в Москву не открыткой вызвали, – опять подал голос Гуров. – Неужели нет никакой информации, кому в Москве понадобились услуги высококлассного специалиста?

Кудрявый французский коллега виновато улыбнулся и сказал с акцентом:

– Это трудно. Очень... Нам пока не удалось, как это – опознать?.. Нет – определить алгоритм, в котором работает Организация. Слишком конспиративно, так?

На лице у майора Ковальчука появилось мученическое выражение.

– Господин Массена именно потому и прибыл сюда, что рассчитывает на нашу помощь, товарищ полковник! – с упреком сказал он. – Кстати, и наверху озабочены этой проблемой... Следует отчетливо понимать, что здесь задеты и наши интересы.

– Возможно, задеты, – уточнил Гуров. – Или уже удалось выяснить, кто снабдил Кузмина билетом и документами?

– К сожалению, пока не удалось, – неприязненно сказал Ковальчук. – Поэтому вся надежда на вас, товарищ полковник. Полагаю, вы справитесь. Ведь на теплоходе вы будете не один. Там будут наши люди... Но основная роль, конечно, отводится вам. Тут главное – не допустить ни малейшей фальши. Тот, кто будет встречать вас со второй половиной купюры, не должен ничего заподозрить. В принципе, основания для оптимизма у нас есть. Кузмина вряд ли здесь кто-то хорошо знает. Вы похожи на него внешне. Он неплохо изъяснялся по-русски, это доказано. В качестве пароля, вероятно, будет использована вот эта долларовая банкнота за номером В 82545430 В с зигзагообразным надрывом по средней части. – Майор не преминул вывести на экран следующий слайд – с изображением упомянутой банкноты, и, убедившись, что все хорошенько его рассмотрели, добавил: – Строго говоря, вам почти ничего не придется делать, товарищ полковник. Войдете в контакт с владельцем второй половины банкноты, и, собственно, на этом ваша функция заканчивается. Дальше наши люди возьмут этого человека в разработку. Единственное, что от вас требуется, – не совершать необдуманных поступков...

– Спасибо, что предупредили, – усмехнулся Гуров. – А то я не знал, что, когда ловят шуку, не бросают в заводь камни. – Он обернулся к Орлову и спросил: – Выходит, у меня что-то вроде отпуска получается? Указал пальцем и плыви себе дальше – Афины, Неаполь... Так ведь выходит?

– Ну и плыви, – подтвердил генерал. – Раз министр не возражает, плыви себе.

– Вы не забывайте, товарищ полковник, что речь может идти о жизни какого-то весьма известного лица, возможно, представителя власти или крупного бизнеса, – сказал Ковальчук, который сразу же отметил нотку недовольства в голосе Гурова.

– А, кстати, список пассажиров круиза у вас имеется? – недовольно спросил Гуров. – Может, из этого списка и так все станет ясно?

– Полного списка у нас пока нет, – ответил Ковальчук. – На то имеются объективные причины. Но мы над ним работаем. Сами понимаете, возможны всяческие коррективы... Дня через три-четыре список будет готов. Но, уже по предварительным прикидкам, на борту могут оказаться весьма влиятельные персоны.

– Вы намерены поставить в известность этих самых персон о том, что им может угрожать опасность? – спросил Гуров.

Ковальчук почему-то оглянулся на генерала и твердо сказал:

– Ни в коем случае! Это может привести к нежелательным последствиям, как вы понимаете. И потом, я уверен, что ситуация полностью находится под нашим контролем.

– Не понимаю, зачем в таком случае вам понадобился я? – спросил Гуров.

Майор Ковальчук слегка помрачнел. Он никак не рассчитывал, что знаменитый Гуров окажется таким упертым и тяжелым на подъем. Кажется, с языка у него должно было вот-вот сорваться какое-нибудь нелестное замечание, и только присутствие генерала удерживало его от этого.

Орлов прочувствовал ситуацию и немедленно вмешался.

– Ты человека не пугай! – строго сказал он Гурову. – Все «за» и «против» мы с тобой вчера уже взвесили. Сам признал, что дело ответственное. И лучшего кандидата нам не найти.

– Да не хочу я на старости лет по морям скитаться! – с досадой сказал Гуров. – Не моя это грядка! Разве в кадрах на эту роль кого другого не найдется? А у меня жена в отъезде. Звонить будет, а меня нигде нет.

– Ну уж это я беру на себя! – твердо заявил Орлов. – С Марией я как-нибудь договорюсь. Сейчас ей сообщать, конечно, преждевременно – не телефонный, как говорится, разговор, – но, если что, я все устрою. А насчет кадров ты меня не учи. Министр на меня всю ответственность возложил за успех этого дела. А я считаю, что лучше тебя никого не найти. Во-первых, внешнее сходство, а во-вторых, опыт твой, хватка... Это еще важнее! В общем, разговор закончен. Обговариваем последние детали – и вперед!

Гуров не стал больше возражать и лишь раздраженно махнул рукой. Он испытывал сейчас странное чувство – неожиданная возможность отправиться в заманчивый морской круиз будто делала его виноватым перед близкими людьми – перед Марией, перед Крячко, наконец, который остается здесь, в душном, пахнущем дымом городе. Что бы там ни говорили, а он, Гуров, оказывается в их глазах эдаким баловнем судьбы, героем какого-то красочного фильма из другой жизни. Но одновременно в глубине души Гуров отчаянно радовался свалившейся на него удаче – радовался самым незамысловатым образом, почти по-мальчишески. И больше всего ему сейчас не хотелось себя выдать – поэтому он старался выглядеть гораздо недовольнее, чем это было на самом деле.

Однако майор Ковальчук, кажется, и не догадывался о скрытых мотивах, которые двигали Гуровым, и, будучи человеком крайне серьезным, начинал нервничать. Выношенная им схема начинала давать неожиданные сбои, и это никак не могло ему понравиться. Теперь он поглядывал на Гурова с неприкрытой тревогой и, видимо, от души жалел, что выбрал себе

столь капризного партнера. Кудрявый француз наблюдал за этим скрытым противостоянием с большим любопытством, наверное, мало что понимая.

Но категорический тон генерала подбодрил Ковальчука, и он после некоторой заминки продолжил свою лекцию. Теперь майор излагал информацию, касающуюся непосредственно круиза и всех сопутствующих деталей.

– Судно, на котором вам предстоит плыть – трехпалубный лайнер «Гермес», – берет на борт около трехсот пассажиров. Не слишком внушительно, не «Титаник», конечно, но каюты повышенной комфортности, бассейны, рестораны, все как положено... Самому мне не доводилось, но, судя по заявлениям туристического бюро, отдых организован по самому высокому классу. Морские круизы на этом судне организуются уже не первый год, и жалоб, как говорится, не поступало, хотя среди клиентов бывает немало иностранцев. Я это говорю к тому, что уровень обслуживания там европейский, ну, и соответственно состав пассажиров.

– А что состав пассажиров? – опять вмешался Гуров. – Высший свет, вы хотите сказать?

Ковальчук изобразил на лице мину, которая означала безграничное терпение, и ответил:

– Давать какую-либо оценку составу пассажиров я сейчас не возьмусь. Как я уже отмечал, сейчас ведется работа с соответствующим списком. Вообще же, учитывая современные реалии, я не взял бы на себя смелость давать такую общую характеристику. Высший свет, по-моему, слишком сильно сказано, товарищ полковник! Скорее здесь подходит термин «состоятельные люди», так мне кажется.

– И все-таки вы меня поняли, майор, – заметил Гуров. – Я просто хотел уточнить – все пассажиры находятся на этом судне в равных условиях или там существуют классы, как во всяком порядочном обществе? В частности, в какую социальную группу там попадаю, например, я?

– Хороший вопрос, – без тени иронии сказал майор Ковальчук. – Самоидентификация в данном случае важна несомненно. Мы предполагаем, что вы должны сыграть роль человека из среднего класса – если брать за основу средневропейский уровень, конечно. Судя по билету, ваше место находится в туристическом классе. Выше только класс «люкс», где каюты, я бы сказал, сверхдорогие. Имеется еще один разряд – я бы назвал его третьим. Тесноватые каюты, минимум удобств... Правда, таких мест на «Гермесе» немного. Пожалуй, это вынужденная уступка жизненным реалиям – определенное число пассажиров следует до какого-то определенного порта, и для этих людей комфорт, разумеется, не столь важен... Что касается вас, товарищ полковник, то, по сценарию, вы являетесь состоятельным туристом, насколько я понимаю. Не думаю, что это диктует какие-то жесткие рамки поведения, но общая канва... – Он, похоже, запутался в словесных оборотах и, запнувшись, закончил тем, что просто махнул рукой и добавил: – К сожалению, нам до сих пор не удалось обнаружить багажа Кузмина. По-видимому, он не захотел воспользоваться гостиницей, оставил вещи в камере хранения на одном из вокзалов и сразу отправился на встречу. Возможно, той же ночью он собирался уехать из Москвы. Сейчас предпринимаются попытки отыскать его багаж, но, скорее всего, вам придется обойтись своими вещами, товарищ полковник.

– Чему я очень рад, – заметил Гуров. – Одним словом, давайте не будем размазывать кашу по тарелке! Похоже, теперь я знаю об этом деле ничуть не меньше Интерпола, а выезжать в Новороссийск, следуя логике, следует немедленно, верно? Поэтому у меня осталось лишь два вопроса – когда я получу документы и, как говорится, подъемные? А самое главное, я так и не понял, с кем конкретно мне придется поддерживать связь на судне? Если предполагаемого заказчика я смогу опознать по половине банкноты, то по каким критериям мне определять ваших людей, майор?

– наших, Лев Иванович! – добродушно прогудел Орлов. – наших людей!

– Пусть наших, – согласился Гуров. – У них ведь на лбу не написано, что они наши. Могут произойти любые неожиданности.

Майор Ковальчук несколько смутился.

– Э-э... Пока этот вопрос прорабатывается, – сказал он. – Мы еще не решили некоторые сложности организационного порядка. Дефицит времени... Но как только это станет возможным, с вами выйдут на контакт, товарищ полковник, и обговорят все детали. Что касается вас, то было бы наиболее разумным, если бы вы немедленно выехали в Новороссийск. Все необходимые бумаги вы получите в течение дня. Я лично позабочусь об этом. Задержка связана с тем, что в документы требуется вклеить уже ваши фотографии. Это требует определенного времени.

– Вы меня очень успокоили, майор, – сказал Гуров и, обращаясь к Орлову, официальным тоном добавил: – Разрешите тогда быть свободным, товарищ генерал? Насколько я понимаю, теперь у меня остается одна-единственная задача – раздобыть билет до Новороссийска. Поскольку против меня работает уже упоминавшийся здесь дефицит времени, следует заняться этим вопросом безотлагательно.

– Занимайся, – махнул рукой Орлов, глядя при этом почему-то не на Гурова, а на при молкшего в уголке француза.

Оказалось, что Орлов давно хочет задать ему один вопрос, не дававший все это время генералу покоя.

– А мне вот интересно, мистер, гм... Массена... Интересно, в самом деле наш Гуров так похож на вашего клиента? Или мы тут больше стараемся выдать желаемое за действительное? – спросил он у француза.

Господин Массена оценивающе окинул взглядом фигуру Гурова, направляющегося к дверям, и сказал доброжелательно:

– Не идентичное сходство. Те, кто знает, не поверят. Но все-таки похож очень. В большой степени.

"Будем надеяться, что не придется иметь дело с такими, «кто знает», – подумал про себя Гуров.

– Хотелось бы еще раз напомнить, товарищ полковник, – решился майор Ковальчук. – Полная секретность. Мы не знаем, какие круги заинтересованы в услугах Кузмина, поэтому не должны...

– Не беспокойтесь, майор, – сказал Гуров. – Я буду нем как рыба. Да и, если откровенно, говорить-то пока особенно не о чем. Это не в порядке критики – просто что выросло, то выросло.

Глава 3

Круизному лайнеру под названием «Гермес» до прославленного «Титаника», пожалуй, было действительно далековато, но Гурову он показался впечатляюще огромным. Вообще, если говорить только о его тайных ожиданиях, пока они полностью оправдывались. Белый теплоход, сверкающее море, теплое солнце, загорелые девушки в ярких платьях – все это было и грело душу.

Перед расставанием, когда они, по обычаю, пили на кухне традиционную «Смирновскую» и Гуров в общих чертах просветил друга относительно ожидающих его перспектив, Стас Крячко со вздохом признался:

– Завидую я тебе, Лева, жгучей вульгарной завистью! Считай, что ты не задание получил, а счастливый билет в лотерею вытянул. Знаешь, как по телевизору – «Поле чудес» или «Последний герой»... Можешь не сомневаться, сам бы ты на такую поездку в жизни не раскошелился. И гроши у нас не те, и на подъем мы с тобой, чего греха таить, уже тяжелы стали. Так что, считай, ты двойной подарок судьбы получил! Жаль только, Петр нас вдвоем не отправил – уж я бы там развернулся!..

Что он имел в виду под этим «развернулся», было не очень понятно, но на простецкой физиономии Крячко в этот момент нарисовалось такое мечтательное выражение, такое желание окунуться в атмосферу странствий, двинуться навстречу соленому ветру, что не оставалось никаких сомнений – «развернуться» здесь означало морской термин и ничего более.

– Знаешь, Стас, – с сомнением ответил тогда Гуров. – Все это, конечно, заманчиво, но меня смущают конкретные обстоятельства этого дела. Не хочется обвинять коллег, да и не слишком хорошо знаю я эту работу, но мне кажется, что тут они прошлепали. Самый важный момент упустили. С кем объект вступал в контакт, даже в общих чертах непонятно. Из-за этого и я оказался теперь в идиотском положении. То есть ситуация такая, как в сказке, – поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что... А если найденный у Кузмина доллар вообще не имеет никакого отношения к предстоящему круизу? Как говорится, в огороде бузина...

– А чего ты расстраиваешься? – снисходительно заметил Крячко. – Я же тебе говорю, это все не главное. Главное, что впереди тебя ждет волшебное путешествие. Представляешь себе, свежий бриз, брызги на палубе, девушки вокруг бассейна, как шоколадки! Вот если бы я...

Примерно в таком духе они беседовали до самого отъезда и по дороге в аэропорт тоже. Гурову так и не удалось настроить друга на деловой лад, чтобы обсудить предстоящую миссию. Возможно, это было связано с тем, что Крячко считал себя в данном случае абсолютно посторонним и в соответствии с этим рассматривал миссию в чисто романтическом ключе.

Гуров же, чем ближе становился день отплытия, все более терял свои первоначальные иллюзии и начинал нервничать из-за недостаточной подготовки операции. Положение усугублялось еще и тем, что по прибытии в Новороссийск он так и не вступил в контакт ни с кем из прочих участников акции, хотя о своем появлении здесь незамедлительно сообщил начальству. Судя по всему, соратники майора Ковальчука и кудрявого француза запаздывали или не сочли нужным связаться с Гуровым.

Подобное отношение выводило Гурова из себя. И это при том, что внешне он должен был сохранять полнейшее спокойствие, разыгрывая роль состоятельного холостяка, эдакого стареющего плейбоя. Но выхода не было. Пообещав себе в последующем высказать своим необязательным коллегам все, что наболело, Гуров целиком сосредоточился на приятных обязанностях уходящего в море отпускника.

Здесь у него, как и следовало ожидать, никаких трудностей не возникло – таможеню и посадку Гуров прошел легко, как нож масло. Документы, которыми его снабдили, – на имя некоего Антона Сергеевича Крупенина – были безупречны. В связи с этим Гурова посетили

довольно грустные мысли о том, насколько изменились времена и как низко опустилась планка для людей, склонных к преступной деятельности. То, что раньше можно было раздобыть лишь ценой невероятных усилий или же вообще было практически недоступно – как, например, документы на подлинных бланках, – теперь становилось обыденным явлением. Границы преступного и законопослушного миров неудержимо размывались. Слишком часто те, кто должен был стоять на страже закона, вдруг начинали понимать, какие неопределимые выгоды может принести им ответственный пост, если не принимать эту ответственность слишком всерьез. В таких условиях усилия правоохранительных органов зачастую напоминали действия человека, таскающего в решете воду.

При всех своих сомнениях Гуров все-таки был уверен, что относительно Германа Кузмина Интерпол не ошибся и его приезд в Россию не пустой каприз. Но кто и почему заинтересован в его присутствии здесь – было покрыто мраком. Где-то когда-то через третьих лиц произошла встреча неких структур с представителями зловещей Организации, занимающейся выполнением заказных убийств, и родилась идея, которая должна была реализоваться именно сейчас, на этом корабле, с помощью профессионального заморского киллера с русской фамилией Кузмин. В чем суть этой идеи, предстояло разобраться Гурову, и у него все более крепло ощущение, что ошибиться в этом вопросе он не имеет права.

Поднявшись на борт «Гермеса», он не сразу направился разыскивать свою каюту, а некоторое время постоял на палубе, рассеянно-равнодушным взглядом рассматривая пассажиров и провожающих. На самом деле равнодушие его было скорее напускным – Гурова чертовски интересовало, с кем его собирается столкнуть судьба. Другое дело, что мимолетный наплыв незнакомых лиц давал мало пищи для размышлений – более тщательный анализ ждал его впереди.

Публика, как и ожидалось, выглядела довольно неоднородной, несмотря на очевидные притязания каждого относить себя к так называемой элите. Были здесь и удачливые бизнесмены, чьи имена еще совсем недавно фигурировали в криминальных сводках, и манерные представители шоу-бизнеса, и раскованные более обычного иностранцы, которые рассматривали путешествие на русском теплоходе как опасное и чисто мужское приключение, вроде охоты на крокодилов. Были здесь, разумеется, и обычные люди – обычные в том смысле, что свои две недели отдыха они заслужили несомненными талантами и упорным трудом, который никакого отношения не имел ни к валютным аферам, ни к сомнительным банкротствам, ни к прочим схемам, по которым теперь так легко и охотно делаются деньги.

Гуров понимал, как неосмотрительно доверяться первому поверхностному впечатлению, но пока он даже теоретически не решался выбрать из многоликой праздничной толпы никого, кто бы мог претендовать на роль жертвы международного киллера. Было странно думать, что кому-то понадобится выходить на след сверхзасекреченной Организации, чтобы убрать конкурента с соседней автозаправки или даже продюсера девичьей поп-группы, каких-нибудь «Загорелых» или «Сверкающих». При всем уважении к этим почтенным профессиям Гуров не мог расценивать подобную идею иначе как стрельбу из пушки по воробьям. Если что-то здесь и затевалось, то наверняка ради птицы более высокого полета. Но пока Гуров такой не видел. Это ничего не значило – нужно было терпеливо ждать. Возможно, уже сегодня появится человек со второй половинкой доллара и сам все объяснит.

Правда, на этот счет у Гурова имелись некоторые сомнения. Тайну своей миссии Герман Кузмин унес в могилу, и все выводы строились далее на одних предположениях. Майор Ковальчук выстраивал такую цепочку – «Гермес», пароль, задание. Но, возможно, встреча Кузмина с владельцем половины доллара была запланирована где-то в другом месте, так же, как и последующее задание могло предусматривать, что оно будет выполнено в той же самой Москве, а круиз на «Гермесе» – просто вариант отхода. Подобная схема вполне могла иметь место, хотя

в душе Гуров был вынужден признать, что выглядит она не очень изящно, даже тяжеловато, и гипотеза Ковальчука гораздо ближе к реальности.

Поток пассажиров, всходящих по трапу, постепенно иссякал, так и не дав никакой конкретной пищи для размышлений, и Гуров, разочарованно вздохнув, отправился искать свою каюту.

Его высокая, атлетическая фигура, облаченная в недавно купленный светлый пиджак, привлекла внимание двух молодящихся дам, восторженно щебечущих у борта. Одна из них, пышная блондинка, бросив кокетливый взгляд в сторону Гурова, тут же закатила глаза к небу и объявила подруге нарочито громким голосом, что до самого конца путешествия не будет вылезать из бассейна. Этим самым она как бы давала намек, где ее искать в случае необходимости. Гуров сделал вид, что ничего не слышал.

Кабюта ему понравилась. Правда, на его взгляд, она все-таки была тесновата и в силу этого не дотягивала до повышенной комфортности, которую обещал майор Ковальчук, но в целом оставляла приятное впечатление. Панели из темного дерева, латунные ручки, бордовая ткань – прекрасный уголок для человека, мечтающего как следует отоспаться.

Гуров сбросил пиджак, расслабил галстук и прилег на койку. Иллюминатор был закрыт, и звуки из порта почти не долетали сюда. Где-то в углу неназойливо шумел кондиционер. «Вот, значит, как! – усмехнулся Гуров. – Хочешь свежего морского воздуха – открой иллюминатор, а лень – включи кондиционер. Если у них здесь все в порядке с водой и принято заказывать обед в каюту, то на палубу можно вообще не выходить. Забиться по-медвежьи в берлогу и выспаться хоть раз в жизни как полагается! Только ради одного этого стоило выбраться в море...»

Гуров еще раз усмехнулся своим мечтам и как бы в противовес им тут же рывком поднялся на кровати. Сейчас приму душ, решил он, и на разведку. Нужно облазить весь корабль. В конце концов, профессионал Герман, скорее всего, именно так и поступил бы.

Он встал и мельком посмотрел в иллюминатор. Залитый солнцем причал привлек его внимание. На краю причала остановились три больших темно-серых автомобиля, и оттуда, демонстрируя некоторую торопливость, вышли люди. Кажется, дальше они направились напрямиком к теплоходу, но иллюминатор не позволял проследить их действия в подробностях. Забыв про душ, Гуров поспешил на палубу.

Ошибки не было – по трапу поднимались запоздавшие пассажиры. Их было человек двадцать, и шли они как бы разрозненными группами, но, вне всякого сомнения, все это была одна компания – если в данном случае можно было употребить столь необязательный термин.

Определенно это не могло называться легкомысленным словом «компания» – про себя Гуров предпочел до поры именовать эту группу пассажиров «некоей структурой». Опытный глаз без особого труда отмечал все признаки иерархии среди поднимающихся по трапу людей. Несомненно, они не старались этого афишировать, но такая модель поведения давно въелась в их плоть и кровь, и, наверное, иначе себя вести они попросту уже не могли.

Взгляд Гурова даже вычленил из толпы фигуру того, кто, по всей видимости, являлся здесь главным – крупного телосложения мужчину, светловолосого, с волевым, несколько обрюзгшим лицом. Он был одет в просторные кремовые брюки и белую рубашку с закатанными рукавами – никакого намека на официальность, но по многим приметам становилось ясно, что этот человек привык командовать и принимать решения. Это запечатлелось у него и в осанке, и во взгляде и тоже давно стало второй натурой. Поэтому ему не слишком хорошо удавалось изображать из себя простого отдыхающего, хотя он старался изо всех сил – похлопывал по плечам своих спутников и громко хохотал, запуская крупную голову.

Смутило Гурова и то обстоятельство, что вся «компания» – для удобства он все-таки именно так решил про себя именовать этих пассажиров – состояла исключительно из мужчин. Несомненно, все они знали друг друга, но на одноклассников, решивших устроить затяжной мальчишник, никак не походило. Даже несмотря на свою намеренно легкомысленную

одежду – некоторые из мужчин, например, были в шортах. Однако Гурову легче было представить любого из них в строгом темном костюме – в коридорах, выстеленных алыми ковровыми дорожками.

Впрочем, несколько человек именно так и выглядели. По ширине их плеч и колючему настороженному взгляду, которым они успевали неустанно обшаривать одновременно палубу, трап и даже причал, Гуров угадал телохранителей. Наверняка под неуместными в такую жару пиджаками было что-нибудь многозарядное. Однако ни у одного из ответственных корабельных чинов, отиравшихся у трапа, не возникло ни малейшего желания провести досмотр подозрительных пиджаков. Видимо, этот щекотливый нюанс был как-то обговорен заранее.

Как и вопрос с багажом. Гуров обратил внимание, что багажа у «компании» практически не было. Значит, он был погружен каким-то иным путем – и, возможно, еще когда Гуров только вылетал из Москвы.

Остальные пассажиры, которые еще не успели или не пожелали рассосаться по каютам, тоже наблюдали за новенькими с большим любопытством. Всех волновал вопрос, с кем придется делить замкнутое корабельное пространство в течение ближайших двух недель. Причины у всех были свои – кто-то надеялся на мимолетный роман, кто-то на хороших партнеров по преферансу, кто-то на нужные знакомства, – но Гурову почему-то казалось, что припоздавшие пассажиры не собираются в этом плане оправдывать ничьих надежд и намерены совершать путешествие, надежно укрывшись за стеклянной галереей класса «люкс», куда простым смертным вход будет, скорее всего, деликатно, но категорически запрещен.

Предположения Гурова полностью оправдались – вся компания, практически не затратив времени на прохождение формальностей у трапа, немедленно скрылась в направлении палубы для избранных, и внимание остальных пассажиров тотчас же переключилось на более интересные вещи – на панораму города в лучах полуденного солнца, на парящих над волнами чаек, на белые паруса яхт, исчезающие в синеве, – предвкушение волнующих приключений охватило всех без исключения.

Гуров же думал в этот момент совсем о другом. Все мысли его вертелись теперь вокруг необычной «компании». Кто они такие – Гуров не знал, но понимал, что наконец-то в поле его зрения появился некто, претендующий на роль, которую едва ли можно назвать почетной, но трагичной – наверняка. Этот светловолосый мужик в белой рубашке с закатанными рукавами явно не маленькая шишка, и он вполне мог заинтересовать киллера. То есть не киллера, конечно, – эту публику вряд ли интересует что-то, кроме денег, – а тех, кто этого киллера нанял. Хотя в конечном итоге и у этих людей основным мотивом поступков чаще всего являются деньги.

Но кто он – банкир, чиновник, нефтяной магнат? Наверняка об этом осведомлена корабельная верхушка – капитан-то уж наверняка. Но вряд ли он согласится беседовать на эту тему с неизвестным ему полковником Гуровым, который к тому же присутствует здесь не под своей фамилией. Вот где стоило бы подсуетиться Интерполу.

Но до сих пор ни майор Ковальчук, ни его соратники никак себя не проявили, и Гуров опасался, что в дальнейшем подобная тенденция сохранится. Видимо, на первых порах формально поддерживав усилия Интерпола, министр благоразумно устранился от последующего вмешательства, посчитав, что подчиненные сами во всем разберутся. Если же вся затея окажется ложной тревогой, в этом случае ему тоже не о чем будет беспокоиться.

Последние пассажиры давно исчезли в недрах класса «люкс». Видимо, они и в самом деле были последними – уже был убран трап, и команда теплохода незаметно рассосалась по своим местам – судно готовилось к отходу. Среди пассажиров, стоявших на палубе, радостное напряжение достигло предела – каждому хотелось запечатлеть в памяти все моменты волнующего события.

Однако Гуров поймал себя на мысли, что общий порыв нисколько не захватывает его. Теперь он полностью сосредоточился на головоломке, в которой и сам являлся некоторым образом составной частью. Ему захотелось хорошенько поразмышлять над всем этим, укрывшись в тишине каюты. Да и пестрая толпа, на манер птичьей стаи осадившая бортовые поручни, откровенно говоря, начинала слегка раздражать его.

Гуров понимал, что эти люди нисколько не виноваты в его плохом настроении – просто за много лет он совершенно разучился отдыхать. И все тайные мечтания насчет экзотического путешествия на борту «Гермеса» – не более чем мираж: при ближайшем соприкосновении с действительностью он развеялся как дым. Был корабль, на котором, возможно, находились преступники, и тут же находились их вероятные жертвы, – следовало как можно скорее определить и тех, и других. За вычетом некоторых малосущественных особенностей – таких, как чайки, море и белый теплоход, – это была работа как работа, требующая анализа, поиска, терпения и риска.

И еще Гурову позарез нужны были контакты и информация – без них он был обречен тыкаться здесь как слепой котенок. Если люди из Интерпола каким-то образом умудрились вовремя не попасть на теплоход, то оставался гипотетический владелец половинки доллара – появившись он, и действия Гурова наконец обрели бы долгожданный смысл. Без этого предстоящие двухнедельные скитания по морям начинали казаться Гурову настоящей пыткой. Ему было даже немного стыдно, но он уже начинал скучать по душной Москве, по Марии, по Стасу и даже по своему безликому и совсем не комфортабельному кабинету.

Посмеиваясь над собой и укоризненно покачивая головой, Гуров ушел с палубы и по внутреннему коридору добрался до своей каюты.

Сейчас здесь было тихо – вся основная жизнь переместилась наверх, где светило солнце. Полы, выстеленные мягким лиловым покрытием, глушили шаги, и Гуров невольно подумал, что в случае необходимости и при наличии соответствующей ловкости здесь можно подобраться к человеку совершенно незаметно.

Когда он доставал из кармана ключ от каюты, внутренности теплохода будто вздрогнули и неуловимо завибрировали – похоже, наконец-то включились мощные двигатели в машинном отделении. «Поплыли, кажется!» – вполголоса произнес Гуров.

И в этот момент за его спиной какой-то нежный, но довольно задиристый голосок проговорил скороговоркой:

– Привет! А вы здесь живете? Почти соседи! Может, познакомимся?

Глава 4

Гуров резко обернулся и увидел в трех шагах от себя субтильное, но самоуверенное существо, одетое в оранжевые шорты и белый топик, обтягивающий довольно впечатляющих размеров грудь, в силу чего существо безошибочно следовало отнести к прекрасному полу. Если бы не эта бросающаяся в глаза деталь, все прочее не трактовалось бы столь однозначно. Пожалуй, при неважном освещении эту молодую женщину вполне можно было принять за подростка – худые плечи, короткие русые вихры, голенастые ноги, загорелая до кофейного оттенка кожа – эдакий отвязанный любитель пляжного волейбола.

Но гордо выпяченная, да и, надо признать, достаточно красивая грудь снимала все сомнения. Перед Гуровым стояла юная женщина, самое большее лет двадцати шести – двадцати семи. По возрасту она вполне годилась ему в дочери – из тех, что называют поздними, – но в ее зеленоватых нахальных глазах светился совсем не детский интерес, и это моментально насторожило Гурова.

Он оставил ключ в замочной скважине, внимательно оглядел незнакомку с головы до ног и, почтительно кивнув, сказал без улыбки:

– Наверное, познакомиться будет нелишне, особенно если мы и в самом деле почти соседи. К вашим услугам – Крупенин Антон Сергеевич.

В глазах женщины запрыгали озорные искорки, и она, сморщив курносый нос, уничтожающе фыркнула:

– Боже, какая скука! Антон Сергеевич! Только наши люди умеют оставаться всегда и везде большими начальниками – даже в бане... Вы, наверное, большой начальник, правда?

Гуров чуть поднял брови и спокойно ответил:

– Не скажу, что я такой уж большой начальник, тем более на этом корабле. Здесь я просто пассажир и на большее не претендую. Просто я, наверное, сильно отстал от жизни и что-то упустил в изменении форм этикета. В наше время, когда знакомились, называли свое полное имя, и это происходило, как правило, взаимно. Сейчас же, я вижу, знакомство заключается в том, что вы задаете мне бесконечные вопросы и безжалостно комментируете ответы.

Женщина посмотрела на него с каким-то даже испугом и уже смущенно пробормотала:

– Вы чего, обиделись? Ну, простите, я не хотела... Я вообще-то правда задаю много вопросов. У меня профессия такая – журналистка. Некоторые говорят «журналиуга». Неблагозвучно, правда? Я предпочитаю «папарацци» – означает примерно то же, а звучит не в пример благороднее. Короче, я работаю в одной толстой газете. Может, читали – Арина Пятакова? Это я. Можете звать меня просто Ариной – терпеть не могу отчество! Глупые они какие-то, вы не находите?

– Не нахожу, – сказал Гуров. – А газет я, извините, не читаю. Глупые они какие-то.

Арина одобрительно засмеялась, но посмотрела на него с некоторым сожалением:

– Мне такие мужчины, как вы, и нравятся и не нравятся. В вас сразу чувствуется порода – видно, что вы мужчина на все сто, хоть и не первой свежести. Но зато вы – ну, которые с седьми висками, – капризны и обидчивы, как примадонны. Запросто с вами уже и не поговорить.

– Позвольте заметить, Арина, – перебил ее Гуров. – Критику я люблю с детства, но исключительно конструктивную. Может быть, я и не соответствую вашим нормам общения, но ведь я – вы должны это признать – на это общение и не набивался. Вы сами предложили познакомиться.

– Предложила, – вздохнула Арина. – Да вы не берите в голову! Я к вам не в претензии. Просто привычка – размышляю вслух. Чувствуйте себя совершенно свободно. Хотите, чтобы вас звали Сергеевичем, – я так и буду вас звать. И вообще, давайте не будем ссориться! Вы не поверите, как вам на этом пароходе будет одиноко! Все вам только и будут морочить голову

и постараются содрать с вас три шкуры. Я же знаю эту публику как облупленную! Хотите, заключим альянс?

– Что за альянс? – с любопытством спросил Гуров.

Женщина махнула тонкой загорелой рукой и пояснила:

– Предлагаю вам свои услуги. – И тут же, усмехнувшись, добавила: – Всего лишь в качестве гида, не бойтесь! Гида, консультанта, ангела-хранителя – называйте как хотите.

Теперь пришел черед усмехнуться Гурову. Эта пигалица набивается ему в консультанты и даже в ангелы-хранители!

– Вы считаете, что сам я не в состоянии совершить морскую прогулку? – спросил он с иронией. – А ведь только что сами определили меня в настоящие мужчины... И потом, вам-то какая от этого выгода, Арина?

Женщина наклонила голову набок и почти естественно ответила:

– Одно другому не мешает. Все равно вы ничего здесь не знаете. Поэтому вас запросто любой ловкач обведет вокруг пальца. А насчет моей выгоды... Значит, есть выгода, раз я здесь, уж это-то вы могли бы сообразить. Переработались?

– В каком смысле? – поинтересовался Гуров, сразу делаясь совершенно серьезным.

– Ну, где вы там у себя работаете большим начальником? – нетерпеливо махнула рукой Арина. Этот жест, кажется, вообще был для нее типичным. – А где вы, кстати, работаете, Антон?

На лице у Гурова и тут не дрогнул ни один мускул, хотя настойчивое игнорирование Ариной его отчества Гурову откровенно не нравилось.

– А почему вы так уверены, что я тут ничего не знаю? – спросил он. – Да и что тут нужно знать особенного? Плыви себе и плыви. Трехразовое питание, комфортабельная каюта.

Арина снисходительно тряхнула вихрастой головой и сказала:

– Ну, во-первых, то, что вы здесь новичок, видно за версту – вы же весь какой-то бледно-серый, будто весь год просидели в офисе или, еще хуже, в погребке каком-нибудь... В круизах вы бываете редко, а скорее всего, вообще в первый раз выбрались – угадала? А знать тут надо многое – если вы, конечно, не намерены путешествовать лохом. Тут всякие соблазны, сами понимаете – аферисты, женщины...

– Да, женщины, – сказал Гуров. – Это я уже заметил.

– Ну, я так и знала! – обиженно надула губы Арина. – Хочешь помочь человеку и, как всегда, оказываешься в дураках.

– Нет, я ничего такого не имел в виду, – успокаивающе заметил Гуров. – Я очень благодарен вам за помощь и уверен, что вами движут самые добрые намерения. Только смею вас заверить, что решительно не собираюсь ввязываться ни в какие аферы. Пожалуй, большей частью буду валяться в каюте. Разве что выберусь иногда поплескаться в бассейне. Поэтому не стоит вам за меня волноваться, честное слово.

– Надо понимать, что вы отказываетесь заключать предложенный альянс? – в лоб спросила Арина. – Ничего себе положеньице! Вы и в самом деле выставили меня полной дурой!

– Ну зачем вы так? – улыбнулся Гуров. – Просто не хочется называть наши отношения таким грозным словом, как альянс. По-моему, будет достаточно, если мы будем с вами добрыми приятелями, вы не согласны?

Арина посмотрела на него с сожалением.

– Честно говоря, я ожидала от вас большего, Антон Сергеевич! – с издевательской вежливостью ответила она. – Во всяком случае, воображение у вас не слишком богатое, верно? Привыкли довольствоваться домашними заготовками, рисковать не любите.

– Вы же сами меня предупреждали насчет риска, Арина! – хмуря брови, напомнил Гуров. – Насчет опасностей, подстерегающих меня на каждом шагу.

Арина разочарованно махнула рукой.

– Нужно знать, когда и где рисковать, – туманно заключила она. – Странно, что такой человек, как вы, в этом не разбирается.

– Что же поделаешь, – развел руками Гуров. – Что выросло, то выросло. Во всем разбираться невозможно. Наверное, я слишком узкий специалист. Сожалею.

– А, кстати, кем вы работаете? – с неприкрытым любопытством спросила Арина – у Гурова даже появилось ощущение, что где-то рядом включился диктофон.

Он секунду подумал и сказал абсолютно серьезно:

– Я дрессировщик. Укрощаю диких животных.

Глаза женщины округлились.

– Правда? – потрясенно выпалила она. – Да это же просто находка! Теперь я от вас не отстану, как бы вы ни старались. Мужественный укротитель среди волн! Это же прямо «Полосатый рейс» получается! Мы должны это хорошенько обдумать. В конце концов, вам ведь тоже нужна реклама!

«Вот дернул черт за язык! Шестой десяток разменял, а ума не нажил!» – с досадой подумал Гуров, а вслух сказал:

– Да, рекламы мне только и не хватает...

– Значит, договорились? – обрадованно подхватила Арина. – Конечно, как я сразу не догадалась – у таких людей, как вы, на первом месте всегда стоит профессиональный интерес... На это вас и нужно брать!

– Вот тут вы правы, – кисло сказал Гуров. – Только давайте перенесем наши дебаты на более поздний срок. Откровенно говоря, у меня сейчас одна мечта – хорошенько выспаться. Переутомился я что-то за последние сутки.

– Понимаю, – скептически сказала Арина. – Ну что же, как надумаете, заходите без церемоний. У меня тридцатая каюта – совсем рядом.

– Обязательно воспользуюсь вашим любезным приглашением, – вежливо произнес Гуров и взялся за ключ, торчавший в двери.

Арина загадочно посмотрела на него и сказала разочарованно:

– Я-то ожидала, что вы ответите мне взаимным приглашением.

– Я не могу так сразу, – серьезно сказал Гуров. – Наверное, слишком старомоден, извините...

Журналистка, не двинувшись с места, наблюдала, как он открывает дверь и скрывается в каюте. В какое-то мгновение Гурову показалось, что она сейчас же последует за ним, невзирая ни на какие условности. Но обошлось.

Он быстро запер дверь каюты и глубоко вздохнул. Итак, первые сюрпризы уже начались. Кто эта странная женщина? Скучающая искательница приключений – или она все-таки имеет отношение к его делу? Может быть, его уже исподволь прощупывают? Может быть, насчет его персоны возникли какие-то сомнения? Все это следовало хорошенько обдумать.

Гуров подозрительно огляделся. Теперь ему казалось, что в интерьере каюты что-то неуловимо изменилось – какие-то мелочи: чуть сдвинут стул, задернута штора на иллюминаторе. У Гурова возникло ощущение, что он в помещении не один.

Едва он об этом подумал, как неслышно отворилась дверь ванной комнаты и на ее пороге возник широкоплечий сумрачный мужчина, скуластый, черноглазый и нарочито небритый. На нем был белый костюм – такие вышли из моды года четыре назад.

– Гуров, – уверенно заключил незванный гость и полез в карман.

– Моя фамилия Крупенин, – холодно сказал Гуров. – Вы ошиблись каютой.

– Да ладно, – небрежно сказал мужчина, доставая из кармана удостоверение. – Мне показывали вашу фотку – один к одному. И вообще, я не мог ошибиться каютой – я от Ковальчука, как вы догадываетесь. Подполковник Баранов. Можете по имени-отчеству – Владимир Анатольевич.

– Как вы сюда попали? – не слишком приветливо спросил Гуров. – Дверь была заперта. Подполковник снисходительно усмехнулся.

– Ну, от вас я такого замечания не ожидал, Лев Иванович! – сказал он. – Может, вам неприятно, что я тут рылся? Так я ничего не трогал – сидел все время в ванной. Надо же все обсудить – вот я и решил, что так будет удобнее.

– А если бы я сгоряча проломил вам чем-нибудь голову? – спросил Гуров.

– Исключено, – важно изрек Баранов. – Я все-таки мастер спорта по самбо. Между прочим, считаю, что этот вид борьбы по-прежнему даст сто очков вперед любому карате.

– Между прочим, я тоже так считаю, – сказал Гуров. – Поэтому с вашей стороны это было не слишком осмотрительно.

– Ничего страшного, – усмехнулся подполковник. – Отбил бы как-нибудь... Но шутки в сторону – с кем вы сейчас разговаривали в коридоре?

– Понятия не имею, – признался Гуров. – Какая-то скучающая журналистка. Во всяком случае, она именно так представилась. Полагаю, вы лучше меня осведомлены о составе пассажиров. Ваш Ковальчук заверял, что моя роль будет здесь совсем скромной – я что-то вроде подсадной утки.

– Может, присядем? – по-свойски предложил Баранов и тут же уселся на кровать. – У нас с вами совсем мало времени. Нельзя, чтобы нас застали вместе. И эта журналистка тут совсем некстати. Должен признать, что вы слишком неосторожны, Лев Иванович!

– Знаете что, подполковник? – сердито заметил Гуров. – Если у нас мало времени, давайте не будем его терять! Не размазывайте кашу по тарелке, а переходите к делу. Вы не из моего отдела кадров, чтобы давать мне характеристики. Мне ваш стиль работы тоже не по душе.

– Вы слишком эмоциональны, – важно заметил Баранов. – Это может повредить делу. Но вы правы. Давайте о главном. Вот вам наши выкладки по составу пассажиров на этом судне. Обратите особое внимание на список пассажиров класса «люкс». Видимо, предмет наших изысканий находится именно там. К сожалению, наша информация далеко не полна. На то есть объективные причины...

– Я понимаю, дефицит времени и прочее, – усмехнулся Гуров.

– Вы зря смеетесь, – с упреком сказал Баранов. – Не все нам доступно. Наше общество стало более открытым – соответственно, более закрытой стала информация о нем. Таковы неизбежные издержки демократии. Вот посудите сами. В классе «люкс» у нас числятся господин Выхин Роман Павлович – нефть и алюминий. С ним любовница и человек пятнадцать разнообразной челяди. Это раз. Теперь далее – Стоковский Борис Львович, глава некоего информационного холдинга. Ну, всякие предвыборные технологии, вы представляете... Там крутятся бешеные деньги и сплетаются противоположные интересы. Он с семьей – жена, два малолетних сына – плюс парочка секретарей. Представляете, да? И у того, и у другого наверняка миллион врагов и друзей – неизвестно, что хуже... – Он тонко улыбнулся. – Вам могут заказать кого-то из них, я полагаю... И знаете, что я думаю? Заказчик должен быть где-то рядом с жертвой! – торжествующе объявил он.

– Не спорю, – сказал Гуров. – А почему вы ничего не упомянули о той большой группе, которая в последний момент села на теплоход? Там был мужчина – светловолосый, весьма представительный – кажется, он у них главный. Кто это такой?

Баранов казался немного смущенным.

– Честно говоря, я и сам теряюсь в догадках, – признался он. – Об этой группе нам не давали информации. Не понимаю, в чем тут дело, но ни туристическое агентство, ни пограничная служба... Для меня это тоже явилось сюрпризом. Я намерен сделать снимки и в ближайшем порту по специальной связи отправить их в центр. Уже в течение суток мы будем в Ялте.

– Мы останавливаемся в Ялте? – удивился Гуров.

– Ненадолго, – уточнил Баранов. – Главное, чтобы удалось сделать снимки. Боюсь, это будет непросто.

– А если вам обратиться непосредственно к руководству корабля?

– Исключено, – мрачно сказал Баранов. – У меня инструкции. Руководство корабля не должно догадываться о нашем присутствии. К нему нет полного доверия. Возможна утечка информации.

– Таким образом, мы опять вернулись к своему разбитому корыту, – заключил Гуров. – Чтобы не было утечки информации, мы попросту отказались от ее поисков.

– Напротив, мы ее постоянно ищем, – назидательно заметил Баранов. – Собираем по крупицам. Но, по-видимому, о главном мы узнаем, только когда с вами выйдут на контакт.

– Я почему-то так и подумал, – сказал Гуров. – Спасибо за помощь.

– Напрасно иронизируете, – с укором произнес Баранов. – Без нас вам не справиться. Вы просто не имеете опыта в работе с подобной публикой.

– Кто-то мне сегодня уже говорил что-то подобное, – наморщил лоб Гуров. – Ах, ну да! Эта самая журналисточка! Она тоже беспокоилась, что одному мне не справиться. Грешным делом, в первую минуту я подумал, что она из ваших...

Баранов нахмурился.

– Надо еще проверить, кто это такая! – с угрозой сказал он. – Как, говорите, ее фамилия?

– Еще не говорил, – ответил Гуров. – А назвалась она Ариной Пятаковой. Из тридцатой каюты. Не читали ее опусов, случайно?

– Из тридцатой, это плохо! – сокрушенно сказал Баранов. – Это вы будете у нее постоянно на глазах. Нам нужно до предела ограничить контакты. Не старайтесь меня искать, договорились? Лишь в самом крайнем случае. Моя каюта сто пятнадцатая. Но это только если вы узнаете, кто, кого и зачем. До тех пор сидите тихо, как мышь – возможны всякие провокации и проверки. Заказчики, видимо, многим рискуют и захотят подстраховаться. А теперь я исчезаю. Посмотрите, нет ли кого в коридоре?

Гуров послушно встал, выглянул в коридор. Освещенная мягким светом плафонов, убежала вдаль лиловая дорожка. Где-то в глубине судна гудели машины.

– Путь свободен, – сказал Гуров.

Баранов выскользнул за дверь с завидной ловкостью и сразу пошел прочь небрежной покачивающейся походкой. Белый костюм был ему очень к лицу. Гуров посмотрел ему вслед, убедился, что никто за ними не наблюдает, и вернулся в каюту.

Глава 5

Раздосадованный неопределенностью, которая, судя по всему, приобретала фатальный характер, – а отчасти и необъяснимой самоуверенностью подполковника Баранова, Гуров некоторое время поразмышлял в одиночестве, пытаясь скорректировать план своих последующих действий. Примерно тот же самый план, что он уже давным-давно составлял по требованию генерала Орлова. Время никак не повлияло на суть этого плана. Сколько ни ломал Гуров над ним голову, а выходило одно – нужно сидеть и ждать, и более ничего.

Возможно, кого-то могла удовлетворить восхитительная простота этого плана, дав возможность целиком переключиться на приятные стороны своего положения, но Гуров теперь мечтал совсем о другом. Он понял, что никакого покоя ему теперь не будет и все двухнедельное путешествие превратится в одну бесконечную засаду с непредсказуемым результатом.

Удрученный такой перспективой, Гуров и в самом деле решил для начала хорошенько вздремнуть, ради чего, повесив на дверь соответствующую табличку, завалился, не раздеваясь, на кровать и уснул крепким сном праведника. Видимо, сказались нервотрепка, переезды и акклиматизация – он проспал часа четыре, а это случалось с ним не так часто.

Когда Гуров проснулся, его ожидало два не слишком приятных сюрприза. Вначале он ничего не заметил, кроме легкого покачивания судна да равномерного шума двигателей. Потом Гуров сообразил, что к этим, уже ставшим привычными звукам примешивается еще один – монотонный и усыпляющий. Гуров рывком поднялся на ноги, откинул шторку на иллюминаторе.

Снаружи вовсю хлестал дождь. И небо, и море были затянуты серой пеленой. На стекле иллюминатора с пулеметной скоростью вспыхивали дождевые отметины. На палубе не было ни души.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – пробормотал себе под нос Гуров и вдруг сообразил, что он проспал обед.

Это расстроило его даже больше, чем испортившаяся погода. Несомненно, на судне можно было утолить голод и в неурочное время, но это означало лишний расход, а командировочные, которыми его снабдили, вовсе не отличались той царской щедростью, на которую намекал генерал Орлов.

Хорошенько все взвесив, Гуров пришел к выводу, что вполне сможет потерпеть до ужина, который был уже совсем не за горами. А чтобы скрасить ожидание, он решил посетить, например, бар и подбодрить себя глотком чего-нибудь покрепче. Кроме того, в баре всегда можно разжиться какой-нибудь информацией – в дополнение к тому куцему списку пассажиров, что предоставил ему Баранов.

Гуров рассеянно пролистал список. В нем значилось не более ста двадцати человек – наверняка сюда не вошли те, кто путешествовал третьим классом, и, разумеется, отсутствовали те, кто вызывал у Гурова наибольший интерес. Любопытно, как им удалось сохранить такую секретность? Само собой это не могло получиться. Выходит, «компания» действительно состоит из людей серьезных, обладающих действенными рычагами влияния. И все-таки сотрудники Интерпола могли бы действовать в данном случае порасторопнее. Гуров считал, что подготовлено все из рук вон плохо. Пожалуй, он даже склонялся к мысли, что ни майора Ковальчука, ни подполковника Баранова, ни тем более министра по-настоящему не волновало прибытие мистера Кузмина на нашу землю. Они действовали вполне формально. Что ж, в каком-то смысле их можно понять – такого добра тут и своего хватает. Всерьез заботы французишек, годами ходивших вокруг этого Кузмина, никто здесь не воспринял – сунули для очистки совести на этот чертов теплоход Гурова, благо, что билет получился бесплатный, и на этом успокоились.

Придя к такому выводу, Гуров постановил, что в таком случае и ему беспокоиться особенно не о чем. Он принял душ, побрился и, разобрав свои вещи, облачился в светлые брюки и темный пиджак с медными пуговицами. Галстуком решил на этот раз пренебречь – он подумал, что не стоит выглядеть чересчур консервативно. Журналистка Арина наверняка бы это не одобрила.

Подумав об этой женщине, Гуров слегка встревожился. Вдруг он снова столкнется с ней во время своих блужданий по теплоходу? Это было бы сейчас совсем некстати. Как сказал подполковник, возможны всякие проверки и провокации – Гурову сейчас выгоднее казаться одиноким и сосредоточенным. Даже мимолетные знакомства могут разрушить этот образ одинокого самурая.

Стараясь как можно меньше шуметь, Гуров запер дверь своей тридцать шестой каюты, на цыпочках миновал каюту под номером тридцать и отправился искать ближайший бар, стараясь до тех пор не попадаться никому на глаза.

Бар ему удалось найти без труда. Наверняка на корабле имелся не один такой уютный уголок, но, видимо, из-за непогоды в посетителях недостатка не ощущалось. Все столики уже были заняты, и Гурову пришлось пристроиться у стойки.

Такая позиция предполагала довольно тесное соседство, потому что здесь уже скопилось значительное количество лиц мужского пола, которые предпочитали, чтобы напитки находились у них под рукой. Гуров все же старался держаться особняком, потому что его соседи большей частью выглядели уже заметно разгоряченными и готовыми на все.

Впрочем, никто из них пока не обращал внимания на Гурова. У стойки велись какие-то свои разговоры – судя по обрывкам, темы касались в основном денег и женщин. Гуров по привычке заказал себе «Смирновской» и, получив желаемое, спокойно принялся осматривать полутемный зал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.